

Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1.0

<https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2024-23-245-262>

<https://elibrary.ru/FTFGQO>

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

И.Э. Иванов

ТРАНСФОРМАЦИЯ АГИОГРАФИЧЕСКОГО КАНОНА В МИНЕЙНОМ ЖИТИИ ИОСИФА ВОЛОЦКОГО: ВОПРОС «ИОСИФЛЯНСКОЙ» ТОПИКИ

Аннотация: в XVI в. книжники Волоколамского монастыря, ученики преподобного Иосифа Волоцкого вели ожесточенную полемику как с «нестяжателями», так и с представителями других крупнейших монашеских корпораций России: Троице-Сергиевого и Кирилло-Белозерского монастырей. В рамках этой полемики книжниками-иосифлянами был создан значительный корпус текстов, в которых нашли отражение те вопросы, которые были связаны с деятельностью Иосифа Волоцкого и особенно волновали современников: проблема взаимоотношения Церкви и государства, право монастырей на землевладение, необходимость физического наказания жидовствующих еретиков, конфликт волоколамского игумена с архиепископом Новгородским Серапионом. В стремлении не только обосновать и развить взгляды своего учителя, но и добиться канонизации игумена Иосифа, волоколамские книжники сформировали собственную книжную традицию, подкрепленную соответствующей топикой, которая обнаруживается как в минейном Житии Иосифа Волоцкого, так и в Житии Пафнутия Боровского, учителя волоцкого игумена. Кроме того, к анализу привлекается Волоколамский патерик и жития известных иосифлянских святых: Кассиана Босого и Фотия Волоцкого. Задачей настоящей работы является анализ именно тех топосов-мотивов, которые могут быть отнесены к иосифлянской книжной традиции.

Ключевые слова: Иосиф Волоцкий, минейное Житие Иосифа Волоцкого, иосифляне, Пафнутий Боровский, Волоколамский патерик, Иосифо-Волоцкий монастырь, «нестяжатели», древнерусская топка, древнерусская агиография XVI в.

Igor E. Ivanov

**TRANSFORMATION OF HAGIOGRAPHIC CANON
IN THE MENAION VITA OF JOSEPH VOLOTSKY:
ON THE ISSUE OF “JOSEPHITE” TOPICS**

Abstract: The article examines the transformation of hagiographic canon in the menaion vita of Joseph Volotsky: on the issue of “Josephite” topics. In the 16th century, the scribes of the Volokolamsk Monastery, the disciples of St. Joseph Volotsky, conducted a fierce polemic both with “non-possessors” and with representatives of other major monastic corporations in Russia: the Trinity-Sergius and Cyril-Belozersky monasteries. Within the framework of this polemic, the Josephite scribes created a significant body of texts that reflected those issues that were related to the activities of Joseph Volotsky and especially worried contemporaries: problem of relationship between Church and state, right of monasteries to land ownership, need for physical punishment of heretics, conflict of the Volokolamsk abbot with Archbishop Serapion of Novgorod. In an effort not only to substantiate and develop the views of their teacher, but also to achieve the canonization of Abbot Joseph, the Volokolamsk scribes formed their own book tradition, supported by the relevant topic, which is found both in the Life (Vita) of Joseph Volotsky, and in the Life (Vita) of Paphnutius Borovsky, the teacher of the Volotsky abbot. In addition, the Volokolamsk paterik and the lives of famous Josephite saints: Cassian the Barefoot and Photius of Volotsky are involved in the analysis. The task of the work is to analyze exactly those topos-motifs that can be attributed to the Josephite book tradition.

Keywords: Joseph Volotsky, menaion Life (Vita) of Joseph Volotsky, Josephites, Paphnutius Borovsky, Volokolamsk paterik, Joseph-Volotsky Monastery, “non-possessors,” Old Russian literary topics, Old Russian hagiography of the 16th century.

Церковно-общественная жизнь Русского государства XVI в. ознаменована рядом важных событий, повлиявших в той или иной степени на социальную, политическую и культурную ситуацию в стране. Новое столетие наступило в самый разгар антиеретической полемики, развернувшейся против возникшей в Новгороде и распространившейся на Москву так называемой «ереси жидовская мудрствующих» (см.: [2; 16]). Возникли спорные вопросы о необходимости казнить или прощать еретиков, о праве Церкви на экономическую самостоятельность, о взаимоотношении Церкви и государства, но предлагаемые ответы на них в конечном итоге привели к оформле-

нию двух противопоставленных церковно-политических традиций: иосифлянства и «нестяжательства» (см.: [3; 17]).

С занятием митрополичьей кафедры бывшим волоколамским игуменом Даниилом (1522–1539 гг.) [31, стб. 5] начинается период так называемой «волоколамской гегемонии» [21] в Русской церкви, когда из числа постриженников обители вышло восемнадцать архиереев и большое количество настоятелей монастырей. По мнению А.С. Усачева, ослабление гегемонии происходит в последней трети XVI в., что связано с двумя волнами «морového поветрия» в 1568/1569 и 1570/1571 гг., когда убыль численности братии Иосифо-Волоцкого монастыря составила от 63 до 85% [21, с. 109–111].

За период возвышения авторитета Волоколамской обители в иосифлянских книжных кругах был составлен значительный корпус текстов, во многом нацеленных на защиту самого Иосифа Волоцкого от нападков противников, во многом же развивающих учение и взгляды преподобного. Созданные постриженниками обители на Волоке Ламском сочинения во многом служили той полемике, которую иосифляне вели со своими оппонентами: в этих текстах нашли отражение вопросы взаимоотношений светской и церковной власти, защита права монастырей на землевладение и защита самого Иосифа Волоцкого. Ряд вопросов оставался актуальным на протяжении всего XVI в., прежде всего обвинения Иосифа Волоцкого в неприятии покаяния жидовствующих и в требовании их казни. Так, заволжский старец Артемий, видный идеолог нестяжательства, говорил: «...не ведают того, что ересь. Сожгли Курицына да Рукавого и нынеча того не ведают, про что их сожгли» [12, с. 421]. Продолжались обвинения и в стяжательном характере Иосифо-Волоцкого монастыря. В известной челобитной царю Федору Ивановичу Рязанского епископа Леонида, бывшего постриженником Волоколамской обители, епископ жалуется царю на архиепископа Ростовского Евфимия: «...нас богомолцевъ твоихъ, Осифовскихъ постриженниковъ, называетъ всѣхъ не Осифляны, но жидовляны» [24, с. 410], намекая, видимо, на стяжательный характер обители Иосифа. Челобитная была написана в 1584–1585 гг., идеологическая борьба оставалась актуальной до 1589 г., когда на церковном соборе была подтверждена канонизация Иосифа Волоцкого как местночтимого святого, общероссийская канонизация произошла в 1591 г., а открытое выступление против признанного Церковью святого могло стать основанием для обвинения в ереси.

Ряд полемических текстов того времени свидетельствует о конфликте Иосифо-Волоколамского монастыря с Кирилло-Белозерским: «Письмо о нелюбках» («Спросил мя еси, почему Кирилова монастыря старцы Иосифовых старцов не любят? И аз вкратце реку ти, с коих мест нелюбка меж их») [30, с. 366–369], сочинения Вассиана Патрикеева «Ответ кирилловских старцев», «Слово о еретиках», «Прение с Иосифом Волоцким» и др.¹ [9, с. 223–281]; Житие архиепископа Новгородского Серапиона и минейное Житие Иосифа Волоцкого обнаруживают следы полемики волоколамцев с иноками Троице-Сергиевой обители.

Таким образом, на протяжении почти всего XVI в. книжникам-иосифлянам приходилось отвечать на обвинения противоборствующей стороны и обосновывать учение и взгляды своего учителя. Агиографические тексты, по словам А.И. Плигузова, дают «богатый материал для анализа идеологических доктрин одной из самых значительных духовных корпораций XVI в.» [18, с. 81].

Идеологическая полемика ставила перед волоколамскими книжниками ряд задач, решение которых нашло отражение в созданных ими текстах. И здесь уместно восполнить слова В.О. Ключевского, который писал, что «ни один русский монастырь не обнаружил литературного возбуждения, равного тому, которое находим в обители Иосифа» [14, с. 292]. В этой связи возникает вопрос: сформировалась ли литературная традиция и если она имела место, то посредством какой топики иосифляне отвечали на поставленные вопросы.

Вопрос о существовании единой иосифлянской книжной традиции дискуссионен. Еще Н.К. Гудзий отмечал, что XVI в. характеризуется культурным, идеологическим и литературным влиянием этой монашеской партии [5, с. 288–289], а противостояние волоколамских книжников и заволжских старцев определяло особенности идейного содержания агиографии столетия [5, с. 292]. Гудзий поставил вопрос о стилистических различиях двух традиций. Отсутствие у иосифлянских книжников критического отношения к разным религиозным текстам в литературном отношении имело положительные результаты: свобода в обращении с языком, проникновение в тексты реалистических элементов и просторечий, которых нет в текстах нестяжателей [5, с. 331–332]

¹ А.И. Плигузов полагал, что «Ответ кирилловских старцев» и «Прение с Иосифом Волоцким» не могли принадлежать перу Вассиана [17, с. 57–80, 253–277].

Авторы академической истории русской литературы (1980) подробно пишут о традициях иосифлянской агиографии, в полной мере воплотившихся в Великих Минеях Четьях митрополита Макария [19, с. 246–249], однако корреляция идейной позиции со стилистическими особенностями текстов иосифлян и нестяжателей не подтверждается, поскольку бытовая конкретность, просторечные выражения обнаруживаются и в сочинениях крупнейшего нестяжателя Вассиана Патрикеева [19, с. 275–277]. Н.А. Казакова полагала: «...вряд ли можно говорить о существовании особых иосифлянских и нестяжательских литературных традиций. Писатели одного идеологического направления были разными, и в то же время между литературным мастерством писателей различных идеологических течений имелись общие черты» [9, с. 123]. В.В. Калугин также считает, что противопоставление двух церковных группировок на уроне литературной стилистики несостоятельно, оппозиция ‘красноречие–просторечие’ в XVI в. имеет теоретическое обоснование и связана с другими явлениями литературно-языковой жизни [10, с. 119–128].

Мы не ставим своей задачей анализ стилистических особенностей Жития Иосифа Волоцкого и других иосифлянских текстов, в центре нашего внимания — литературная топика, которая связана с идейной позицией волоколамских книжников, находит отражение в иосифлянских текстах и может служить аргументом в пользу существования литературной традиции. В этом отношении нам близка точка зрения А.И. Плигузова, который использует термин «иосифлянская литературная традиция» и пишет, что «несомненным <...> является связь творчества иосифлянских авторов с позицией иосифлян в идеологической борьбе XVI в.» [18, с. 81].

Когда мы говорим о топосе, мы понимаем под этим термином «любой повторяющийся элемент текста — от отдельной устойчивой литературной формулы до мотива, сюжета или идеи» [20, с. 61], так понятие «топос» определила Т.Р. Руди. По замечанию Е.Л. Конявской, топосы в средневековой словесности могут относиться как к плану выражения, так и к плану содержания: это могут быть сюжетно-композиционные элементы и словесные штампы соответственно [15, с. 81]. А.В. Каравашкин предлагает разграничивать топосы-мотивы и топосы-формулы. К топосам-формулам относятся застывшие библейские высказывания, которые использовались книжниками совер-

шенно свободно в разных контекстах, топосы-мотивы оказываются минимальной сюжетной единицей в развитии действия [11, с. 44–50].

В поле нашего зрения ряд текстов: прежде всего минейное Житие Иосифа Волоцкого [27], составленное епископом Крутицким Саввой Черным и вошедшее в Великие Миней Четвы. Житие было написано Саввой Черным, вероятно, в 40-е гг. XVI в.², оно отражает официально принятую в церковных кругах в середине XVI в. точку зрения на взаимоотношения государства и церкви и на роль преподобного Иосифа в истории этих взаимоотношений. Этот текст, по словам А.И. Плигузова, отражает «официальное изложение истории иосифлянства» [18, с. 235].

Житие учителя Иосифа Волоцкого преподобного Пафнутия Боровского³, названного В.О. Ключевским «дедом» иосифлянской монашеской партии [14, с. 292], было составлено Вассианом Саниным, братом волоколамского игумена в середине XVI в. Первый издатель Жития Пафнутия Боровского А.П. Кадлубовский [28] отметил, что Житие составлено Вассианом после его отхода из Иосифо-Волоцкого монастыря, следовательно, во время архимандритства в Симоновском монастыре или архиепископства в Ростове, иначе говоря, когда монашеская партия иосифлян уже сложилась, а личность Иосифа Волоцкого выдвинулась на первый план церковно-политической борьбы. Это объясняет принадлежность Жития к иосифлянской книжности, на что указал А.П. Кадлубовский: «Волоколамский монах мог видеть в боровском игумене человека того же духа, мог видеть одного из главных своих наставников и учителей» [28, с. 99–100].

Еще одним источником стал Волоколамский патерик [26], составленный Досифеем Топорковым, племянником Иосифа Волоцкого. Создание Волоколамского патерика, по словам Л.А. Ольшевской, «способствовало усилению роли Иосифо-Волоколамского монастыря в делах государственного, религиозного и литературного развития страны, по значению ставило в один ряд с Киево-Печерской лаврой» [26, с. 316]. В утверждении положений иосифлянской мысли Волоко-

² Агиографии Иосифа Волоцкого и времени ее составления, источниковой базе и особенностям отражения в текстах исторических реалий посвящены недавние труды А.А. Казакова: [7; 8].

³ Канонизирован 1 мая 1531 г.

ламский патерик мог сыграть значительную роль в силу самой специфики патерика: диапазон жанровых форм в нем довольно широк, его задачей было не просто предоставить нравоучительные рассуждения читателю, но предложить конкретные примеры из жизни, оформленные в виде рассказов с занимательными сюжетами, которые бы подкрепляли догматические тезисы книжников-иосифлян «на практике».

Опубликованные Л.А. Ольшевской наряду с Волоколамским патериком жития волоколамских постриженников Кассиана Босого [25] и Фотия Волоцкого [29], которые были составлены волоколамским книжником Вассианом Кошкой (Возмицким), также могут быть рассмотрены в контексте иосифлянской книжной традиции.

Пожалуй, наиболее новаторским в Житии Иосифа выступает своеобразное переплетение бытового с политическим и чудесным аспектами. Специфика чудес в Житии отличается от ранних агиографических текстов, функция нечистой силы иная. Присутствие бесов в жизни игумена касается не столько личного иноческого служения Иосифа, сколько тех общественно-политических событий, участником которых преподобный является. Иначе говоря, борьба между силами добра и зла разворачивается не в идеальном мире, но в мире реальных исторических событий. Например, повествуя о возникновении ереси жидовствующих, Савва Черный пишет: «И искони злу начальникъ, врагъ и ненавистникъ роду христианскому, и наведе жидовина Схарию в Новъград...» [27, стб. 472], при этом победа над еретиками не воспринимается как победа над дьяволом, в центре внимания личный подвиг человека на арене социального служения. Аналогичным образом понимается и конфликт между преподобным и волоцким князем Федором Борисовичем — конфликт стал поводом для обращения игумена к великому князю Василию III Ивановичу и переходу монастыря под патронаж московского князя: «...многомятежныхъ и богопротивникъ и ненавистникъ всякаго блага зря отца Иосифа въ духовномъ покои пребывающа, паки воздвизаетъ на него мятежь велий...» [27, стб. 475]. Переход обители под руку московского князя спровоцировал еще один конфликт: новгородский архиепископ Серапион обвинил волоцкого игумена в самовольном, игнорирующем церковный суд выходе из-под юрисдикции новгородского архиепископства (см.: [3, с. 33–37; 8, с. 175–215]). Конфликт святителя и преподобного, имевший далеко идущие последствия, объясняется аналогичным образом: «Искони же злоначальный врагъ, роду христиан-

скому ненавистникъ паки раздражаетъ на горышая злая» [27, стб. 480]. Таким образом, в тексте Жития полем борьбы сил света и тьмы становится политическая и историческая арена.

При этом в Житии Иосифа Волоцкого отсутствуют характерные топосы преподобнического жития, построенные по принципу *imitatio angeli* [20, с. 78–94]: постриг в монахи не уподобляется принятию ангельского образа, не отмечается внешнее подобие игумена ангелу, нет в Житии и мотива бесплотной жизни. Такой характер чудес в Житии Иосифа Волоцкого, малое количество посмертных чудес в первой редакции памятника, равно как и акцентирование внимания на социально-политическом служении игумена вызывают вопросы. Наблюдение по этому поводу сделал американский исследователь Пол Бушкович в книге “Religion and society in Russia” [23], в которой исследователь объясняет этот феномен «упадком монашеского авторитета» и переносом центров влияния Русской церкви из монастырей на епископские кафедры — в города. Ученый отмечает, что, в отличие от житий XV в., в агиографических текстах XVI столетия меньшее внимания уделяется сверхъестественным событиям, т. е. чудесам, и гораздо большее — духовному совершенствованию монахов [23, р. 18–19]. Такое заключение не кажется бесспорным, по всей видимости, изменения в изображении совершаемых чудес обусловлены уже сложившейся ко времени написания Жития иосифлянкой традицией, а не упадком авторитета монашеских корпораций.

В Житии Пафнутия Боровского конфликт преподобного Пафнутия с князем Василием Ярославичем объясняется так же, как в Житии Иосифа, — проделками нечистой силы: «Искони же ненавѣда добра враг душамъ, губитель, таковое тѣхъ тѣшание видя, а усердіе къ дѣланию. воздвизаетъ бурю велию на блаженнаго и на вся сущая съ нимъ приводя напасти и искушения». Боровский князь из зависти захотел поджечь монастырь Пафнутия, посылал своих людей с приказом «запалити основание обители», но слуги всегда отказывались. Послал князь и новокрещенного агарянина, «еще злонравна не отложша варварьскія обычаи», однако после беседы с Пафнутием оставил «звѣриныи нравъ» [28, с. 122–123].

Значительная же часть чудес в Житии Иосифа связана с двумя другими устойчивыми топосами иосифлянских текстов, в большей степени указывающих на социальное значение Церкви в понимании волоколамских книжников.

Первый из них — это всяческое подчеркивание тесных взаимоотношений Иосифа Волоцкого с князьями. Идея централизация власти выражается через саму возможность перехода под патронаж великого князя от князя удельного. Обилие эпитетов «царский», «державный», «великий», «всяя Руси», относящееся как к князю, так и к митрополиту Симону в этом отношении показательны. Новые краски в контексте идеи централизации власти приобретает сравнение русского правителя с византийским императором Константином в Житии: «...новый царь Константинъ православный второй, князь великий Василие Ивановичъ» [27, стб. 474], — пишет агиограф. Взаимоуважение Иосифа и князей и близкие отношения между ними подчеркиваются и другими эпизодами — воскрешением волоцкого князя Ивана Борисовича в обители Иосифа молитвой преподобного, а также дипломатической ролью старцев монастыря в примирении князей: великого московского князя Василия Ивановича и дмитриевского князя Юрия Ивановича [27, стб. 485]. Этот эпизод композиционно обособлен в тексте Жития и имеет самостоятельный заголовок; кроме посланий и посмертных чудес, вставленных в текст, только этот эпизод выделен агиографом подобным образом. Это во многом демонстрирует, что главной темой Жития выступает идея произрастания государственной власти от Бога, а Церковь, в свою очередь, служа Господу, находится в зависимости от светской власти. Государство же обязано заботиться о церковных институтах и поддерживать их, недаром Савва Черный на страницах Жития тщательно упоминает, какие села и пожертвования вообще были переданы монастырю князьями. Таков был иосифлянский взгляд на проблему взаимоотношения Церкви и великого князя, разработанный Иосифом Волоцким и нашедший отражение в его посланиях (см.: [4, с. 164–189; 6, с. 55–56; 3, с. 44–46]). Вместе с этим в текст Жития, разумеется, не вошли те эпизоды из жизни игумена, когда он выступал противником великокняжеской власти. Зато благополучие монастыря после преставления преподобного целиком и полностью зависят от великого князя, которому Иосиф в некоторой степени вверяет монастырь после смерти, при этом основная часть Жития заканчивается не смертью преподобного, а рассказом о покровительстве князя обители.

В иосифлянском Житии Пафнутия Боровского также всячески подчеркивается отношение преподобного с князьями: это повествование о князе Георгии Васильевиче и о князе Иване Калите, о чем

еще будет сказано. А в Житии Кассиана Босого значительная часть текста посвящена рассказу «О крещении царя, великого князя Ивана Васильевича Всея Руси» [25, с. 215–216], не раз подчеркивается некая духовная близость старца с великим князем, особенно ярко — в просьбе князя принять сына от купели. И Житие Кассиана Босого, и Житие Фотия Волоцкого начинаются с рассказов о службе подвижников князьям до принятия пострига, агиограф акцентирует внимание на близких отношениях между Церковью и государством.

Другой мотив, объединяющий тексты, созданные постриженниками Волоколамской обители, — это подчеркнутая апелляция к необходимости милостыни. Разумеется, авторы всех христианских текстов так или иначе указывают на необходимость творить милостыню, но в иосифлянских текстах она приобретает более настойчивый характер. Вероятно, это связано с иосифлянкой установкой, для которой социальные функции монастыря и Церкви имели решающее значение. Г.П. Федотов отмечал, что для постриженников Иосифа «социальная работа монастыря расширялась в широкое национальное служение» [22, с. 183]. Требование особого внимания к бедным со стороны сильных мира сего, будь то княжеская власть или Церковь, нашло отражение в посланиях Иосифа Волоцкого (см.: [13]). Значительное место в Житии агиограф уделяет эпизоду с разразившимся в Волоколамском княжестве голоде, когда Иосиф Волоцкий, несмотря на протесты братии, приказал распахнуть монастырские житницы, чтобы кормить голодных, — в целом в текстах иосифлянской традиции церковная помощь голодным и милостыня очень важны, они в первую очередь оправдывают принцип монастырского стяжания. Савва Черный пишет, что после появления Волоколамского монастыря княжество стало жить богаче, а крестьяне получили возможность приходить к монастырским вратам не только за духовной поддержкой, но и за материальной помощью. В литературе об Иосифе часто приводятся фрагменты Жития, рассказывающего о том, что монастырь всячески помогал окрестным крестьянам: земледельцам давал орудия труда, возмещал людям скот в случае его кражи. Показательно и то, что хоть Иосиф и молится о спасении монастыря и людей от голода, но чуда при этом не происходит, вместо этого в обитель внезапно приезжает великий князь, который спасает монахов и крестьян от голодной смерти.

В Житии Пафнутия и Волоколамском патерике находим один сюжет, который представляет собой наказание боровского игумена инокам о милостыне. Досифей Топорков составлял Волоколамский патерик в одно время с созданием Жития Пафнутия Боровского Васианом Саниным, между текстами обнаруживается довольно большое количество текстологических и сюжетных параллелей. Рассказ о милостыне — одна из них. «Можетъ и едина милостыни спасти чловека, аще законно живетъ» — наставляет Пафнутий братию и рассказывает о некоем человеке, который на протяжении всей жизни творил милостыню и помогал бедным. После смерти он был приведен к огненной реке, на другом берегу которой находился рай, тогда множество нищих начали укладываться в ряд перед его ногами, сделав подобие моста [26, с. 97; 28, с. 135].

Личное нестяжание прославляется в рассказе патерика о Петре Чудотворце, митрополите всея Руси, к которому во время молитвы «о нѣкоихъ дѣлехъ земскихъ» обратился келейник со словами «Ты молишися и хочещи услышанъ быти, а въ казнѣ у тебе три рубли» [26, с. 100]. Тогда митрополит повелел раздать деньги нищим, за что получил то, о чем просил в молитвах. В этом рассказе показательно, что Петр назван чудотворцем именно потому, что «нестяжание имяше», а молитвы митрополита о государственных делах, что примечательно, оказываются услышанными благодаря милостыне.

В Житии Пафнутия обнаруживаются и другие эпизоды, в которых превозносится творение милостыни. В назидательных рассказах, реализующихся как сны некой инокини, о великом князе Иване Даниловиче, «нарицаху его калитою. сего ради бѣ бо милостивъ зѣло и ноша при поясѣ калиту... и куда шествуя даяше нищимъ» и некрещеном агаряnine, который, однако, удостоился рая: «ради его милостыни избави его богъ муки» [28, с. 133–134]. Зато повествование «О Витовте кралѣ» имеет противоположный характер. Агиограф отмечает католическое вероисповедание короля, но пишет о его жадности: «...видѣ тамо челоуѣка велика суца... и мурина страшна стояща и емлюще руками изо огня златица и въ ротъ мѣчюща ему и глаголюща сицу, насытися окаянне» [28, с. 135]. В этих эпизодах замечательно, что милостыня становится определяющим фактором пути загробной жизни человека, милосердный мусульманин попадает в рай, тогда как жадный католик оказывается в аду. Есть в Житии и рассказ «О пре-

кормлении народа отъ святого», повествующий о помощи монастыря крестьянам во время голода [28, с. 141].

Еще одна важная для иосифлян установка, нашедшая отражение в текстах волоколамских книжников, прочно связана с Духовной грамотой Иосифа Волоцкого, или монастырским уставом преподобного. Речь идет о строжайшем иноческом послушании и незыблемости авторитета игумена, как следствие, мы видим последовательную апелляцию к страху Божьему при наставлении монахов в их иноческом служении. Отсюда природа посмертных чудес в первой редакции мннейного Жития — это жития карательные — караются либо нарушившие монастырский устав иноки, либо люди, проявившие неуважение к Иосифо-Волоцкой обители. Это рассказы об Андрее Квашнине, об иноке Исихее, а также об иерее новгородском, включенном во вторую редакцию Жития. Даже сам монастырский устав Иосифа Волоцкого изобилует примерами, призванными напугать монахов: например, игумен пишет о Святом Венедикте, который бил жезлом монаха, если тот во время литургии начинал «бѣсѣды творити и смѣяться и шептати... от пѣния исходити» [27, стб. 510]; в слове, запрещающем есть в келье, Иосиф цитирует Исаака, игумена Скитского: «...инокъ сѣдя на трапезѣ въ умѣ не моляся, но бѣсѣдуя каково слово, или празнословя, смѣяся, или брашно похуляя, и сицевый отступи отъ Бога, и Богъ отъ него отступи, и молитва его неприятна, и труды его не полезны» [27, стб. 514] и т. д. Карательные чудеса в Житии, как и положения Духовной грамоты, были призваны способствовать сохранению монашеской дисциплины в рядах братии во многом посредством запугивания. Монастырский устав Иосифа Волоцкого отличается крайней регламентированностью и строгостью, а сам преподобный перед смертью завещал не перенимать обычаев других монастырей.

Такое положение дел неудивительно, если мы обратимся к концепции С.С. Аверинцева, изложенной в работе «Византия и Русь: два типа духовности» [1]. Исследователь пишет о двух типах святости, «грозной» и «кроткой», характерных для христианских святых: «Если святой грозен, он до того грозен, что верующая душа может только по-детски робеть и расстилаться в трепете. Если он кроток, его кротость — такая бездна, что от нее, может быть, еще страшнее» [1, с. 347–348]. В рамки такой антиномии исследователь помещает полемику иосифлян и нестяжателей и, следовательно, личности глав-

ных идеологов обоих течений мысли. Разница между ними в том, что для иосифлян социальная функция Церкви оказывается несоизмеримо выше, чем для нестяжателей. Социальный аспект в сознании волоколамского игумена порождает ту самую «крутость» характера преподобного, которая обуславливает требования жестокого наказания еретиков, права монастырей на экономическую независимость и строжайшее послушание иноков в обители.

Карательные чудеса присутствуют и в Житии Пафнутия Боровского: это рассказ «О убиении богобоязлива мужа» [28, с. 136–137], убитого по заказу сына. И убийца, и сын в скором времени «напрасною смертию» умерли, а мать убийцы, захотевшая сделать приношение о сыне, вместо просфор нашла полную крови печь. Наказан был и человек князя, присвоивший часть отправленной монастырю милостыни: «...внезапу ударенъ бываетъ лукавствия духомъ. и раѣслабленъ и онемленъ бывъ», здесь же постулируется главное требование к насельникам обители — «послушание, нестяжание и смирение» [28, с. 139–140].

В Житии Пафнутия Боровского также есть рассказ, призванный поддержать монастырскую дисциплину посредством страха: «Повѣсть святаго о велицѣмъ мору», которая представляется как поучающая монахов о «душеполезныхъ», но на деле перед нами — картина конца света, ожидающего грешников. Рассказ о наказании монахов, желающих покинуть обитель, преследует ту же цель [28, с. 128–129]. Суровость иноческой жизни, дисциплина, чрезмерный аскетизм, личное нестяжание являются определяющими характеристиками героя в Житии Кассиана Босого. Неизменности келейного правила, суровой дисциплины монастырской жизни служит характеристика Фотия Волоцкого в его Житии.

Волоколамский патерик предлагает также рассказ, в котором церковная дисциплина вместе с покаянием и смирением оказываются главными заботами подвижнической жизни. Мы видим рассказ о некоем тверском игумене, бывшем жезлом выходящих из храма во время литургии монахов, но в старости руки игумена начали болеть «яко огнемъ». Преподобный Пафнутий объяснил наказание так: тверской игумен полагал, что был строг ради пользы братии, не осуждал себя и не скорбел о своей жестокости, поэтому Бог попустил ему пострадать в старости, чтобы помиловать после смерти. Жестокость и чрезмерная суровость иноческо-

го служения не порицаются в патерике, тверской игумен виноват в несимирении, но это все же не делает его грешником [26, с. 94].

Караются в Волоколамском патерике монахи, совершившие грех прелюбодеяния. Этому посвящен рассказ о некоем иноке, который «творя любодѣяние и дерзаа служити божественую литургию». Монах «паде, яко мертвъ» и лишился дара речи. Позже он покаялся братии в прелюбодеянии и рассказал, что во время службы ему привиделся святой Николай, который сказал с яростью: «Не дерзай служити, окаянне» — и ударил монаха жезлом. Грозное наставление монахам после этого рассказа говорит, что иноки «паче мирьскихъ огонь геоньский возжигают» [26, с. 104]. Находим в патерике и рассказ о смерти инока, который «побѣженъ бысть похотию», покинул монастырь и умер. Показательно, что наказание отвернувшимся от иноческого послушания монахов всегда носит физический характер, жезл игумена — неперменный атрибут в таких рассказах, а фраза «паде на землю, и бысть яко мертвъ» с незначительной вариативностью становится в иосифлянских текстах практически формульной — она не раз встречается в Волоколамском патерике и в минейном Житии Иосифа Волоцкого.

Таким образом, в стенах Волоколамского монастыря в годы острой полемики иосифлян со своими соперниками была выработана собственная книжная традиция. Она была подкреплена устойчивой литературной топиной: социального служения, повышенной чувствительности к вопросам общественно-политического характера, нарочитой апелляции к милостыне, сурового послушания и авторитета игумена. Это вопросы первостепенной значимости для волоколамских книжников, отвечая на которые, они, с одной стороны, защищали личность Иосифа Волоцкого и основанную им обитель от обвинений других монашеских партий, с другой — обосновывали и развивали учение волоцкого игумена, постепенно добиваясь его канонизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

- 1 Аверинцев С.С. Византия и Русь: два типа духовности // Аверинцев С.С. Другой Рим: избранные статьи. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2005. С. 315–365.
- 2 Алексеев А.И. Религиозные движения на Руси последней трети XIV — начала XVI в.: стригольники и жидовствующие. М.: Индрик, 2012. 560 с.
- 3 Алексеев А.И. Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемики 1480–1510-х гг. СПб.: Российская национальная библиотека, 2010. 390 с.

- 4 *Вальденберг В.Е.* Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. М.: Издат. дом «Территория будущего», 2006. 368 с.
- 5 *Гудзий Н.К.* История древней русской литературы. М.: Аспект Пресс, 2002. 589 с.
- 6 *Золотухина Н.М.* Иосиф Волоцкий. М.: Юридическая литература, 1981. 96 с.
- 7 *Казаков А.А.* Жития Иосифа Волоцкого середины XVI века как источник по истории раннего иосифляинства: дис. ... канд. ист. наук. М., 2019. 273 с.
- 8 *Казаков А.А.* Иосиф Волоцкий: от агиографического повествования к научной биографии. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 292 с.
- 9 *Казакова Н.А.* Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 357 с.
- 10 *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный: (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). М.: Языки русской культуры, 1998. 416 с.
- 11 *Каравашкин А.В.* Литературный обычай Древней Руси (XI–XVII вв.). 2-е изд., доп. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 720 с.
- 12 *Карташев А.В.* Очерки по истории Русской Церкви: в 2 т. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020. Т. I. 571 с.
- 13 *Кириллин В.М.* Социальные воззрения преподобного Иосифа Волоцкого // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 4 (62). С. 44–50.
- 14 *Ключевский В.О.* Древнерусские жития как исторический источник. М.: Тип. Грачёва и К., 1871. 472 с.
- 15 *Конявская Е.Л.* Проблема общих мест в древнеславянских литературах (на материале агиографии) // Ruthenica. 2004. Т. 3. С. 80–92.
- 16 *Манохин А.А.* «Новгородские злые ереси» конца XV века. М.: Квадрига, 2023. 462 с.
- 17 *Плигузов А.И.* Полемика в русской церкви первой трети XVI столетия. М.: Квадрига, 2017. 420 с.
- 18 *Плигузов А.И.* Преподобный Иосиф Волоцкий: Послания, «Просветитель», жития. М.: Квадрига, 2020. 311 с.
- 19 *Пруцков Н.И.* (гл. ред.) История русской литературы: в 4 т. Л.: Наука, 1980. Т. I. С. 185–290.
- 20 *Руди Т.Р.* Топика русских житий: (Вопросы типологии) // Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика / под ред. С.А. Семячко, Т.Р. Руди. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 59–101.
- 21 *Усачев А.С.* Почему закончилась «волоколамская гегемония» в Русской Церкви XVI в.? // Российская история. 2017. № 5. С. 97–113.
- 22 *Федотов Г.П.* Святые Древней Руси / предисл. Д.С. Лихачева и А.В. Меня; коммент. С.С. Бычкова. М.: Московский рабочий, 1990. 269 с.
- 23 *Bushkovitch P.* Religion and Society in Russia: The Sixteenth and Seventeenth Centuries. New York: Oxford Publ., 1992. 278 p.

Источники

- 24 Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. СПб.: В тип. Экспедиции заготовления Гос. бумаг, 1841. Т. 1. 551 с.
- 25 Вкратце о Житии и подвигах старца Кассиана, по прозванию Босого, что был в Иосифове монастыре / Волоколамский патерик // Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик. Иосифо-Волоколамский патерик / изд-е подгот. Л.А. Ольшевская и С.Н. Травников. М.: Наука, 1999. С. 213–222, 445–453.
- 26 Волоколамский патерик // Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик. Иосифо-Волоколамский патерик / изд-е подгот. Л.А. Ольшевская и С.Н. Травников. М.: Наука, 1999. С. 81–106.
- 27 Житие и пребывание вкратце преподобного отца нашего игумена Иосифа, града Волока Ламского // Великие Минеи Чети, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Сентябрь. Дни 1–13. СПб: Тип. Имп. Акад. наук, 1868. Стб. 453–615.
- 28 Житие преподобного Пафнутия Боровского, написанное Вассианом Саниным / изд. и вступ. ст. А.П. Кадлубовского. Нежин: Тип. Венгера, 1899. Т. 2, отд. 2. С. 98–149.
- 29 Житие Фотия Волоцкого / Волоколамский патерик // Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик. Иосифо-Волоколамский патерик / изд-е подгот. Л.А. Ольшевская и С.Н. Травников. М.: Наука, 1999. С. 223–230, 453–456.
- 30 Послания Иосифа Волоцкого / подгот. текста А.А. Зимина и Я.С. Лурье; [вступ. статьи И.П. Еремина и Я.С. Лурье]; Акад. наук СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 366–369.
- 31 *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1877. 1034 стб.

REFERENCES

- 1 Averintsev, S.S. "Vizantiia i Rus': dva tipa dukhovnosti" ["Byzantium and Rus: Two Types of Spirituality"]. Averintsev, S.S. *Drugoi Rim: izbrannye stat'i* [Another Rome: Selected Articles]. St. Petersburg, Amfora. TID Amfora Publ., 2005, pp. 315–365. (In Russian)
- 2 Alekseev, A.I. *Religioznye dvizheniia na Rusi poslednei treti XIV — nachala XVI v.: strigol'niki i zhidovstvuiushchie* [Religious Movements in Russia on the Last Third of 14th — the Early 16th Centuries: "strigolniki" and "zhidovstvuyushchie"]. Moscow, Indrik Publ., 2012. 560 p. (In Russian)
- 3 Alekseev, A.I. *Sochineniia Iosifa Volotskogo v kontekste polemiki 1480–1510-kh gg.* [Writings of Joseph Volotsky in the Context of Polemics of the 1480s–1510s]. St. Petersburg, Rossiiskaia natsional'naia biblioteka Publ., 2010. 390 p. (In Russian)
- 4 Val'denberg, V.E. *Drevnerusskie ucheniia o predelakh tsarskoi vlasti: Ocherki russkoi politicheskoi literatury ot Vladimira Sviatogo do kontsa XVII veka* [Old Russian Teachings on the Limits of Tsarist Power: Essays of Russian Political Literature from Vladimir the Saint to the End of the 17th Century]. Moscow, Izdatel'skii dom Territorii budushchego Publ., 2006. 368 p. (In Russian)
- 5 Gudziy, N.K. *Istoriia drevnei russkoi literatury* [History of Early Russian Literature]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2002. 589 p. (In Russian)

- 6 Zolotukhina, N.M. *Iosif Volotskii* [Joseph Volotsky]. Moscow, Iuridicheskaya literatura Publ., 1981. 96 p. (In Russian)
- 7 Kazakov, A.A. *Zhitiia Iosifa Volotskogo serediny XVI veka kak istochnik po istorii rannego iosiflianstva* [The Lives of Joseph Volotsky in the Middle of the 16th Century as a Source for the History of Early Josephism]. PhD Thesis in History. Moscow, 2019. 273 p. (In Russian)
- 8 Kazakov, A.A. *Iosif Volotskii: ot agiograficheskogo povestvovaniia k nauchnoi biografii*. [Joseph Volotsky: from Hagiographic Narrative to Scientific Biography]. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2022. 292 p. (In Russian)
- 9 Kazakova, N.A. *Vassian Patrikeev i ego sochineniia* [Vassian Patrikeev and His Writings]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1960. 357 p. (In Russian)
- 10 Kalugin, V.V. *Andrei Kurbskii i Ivan Groznyi: (Teoreticheskie vzgliady i literaturnaia tekhnika drevnerusskogo pisatel'ia)* [Andrei Kurbsky and Ivan the Terrible: (Theoretical Views and Literary Technique of the Ancient Russian Writer)]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1998. 416 p. (In Russian)
- 11 Karavashkin, A.V. *Literaturnyi obychai Drevnei Rusi (XI–XVII vv.)* [Literary Custom of Old Russia (11th–17th Centuries)]. 2nd ed., exp. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2018. 720 p. (In Russian)
- 12 Kartashev, A.V. *Ocherki po istorii Russkoi Tserkvi* [Essays on the History of Russian Church], vol. I. Moscow, Berlin, Direkt-Media Publ., 2020. 571 p. (In Russian)
- 13 Kirillin, V.M. "Sotsial'nye vozzreniia prepodobnogo Iosifa Volotskogo" ["Social Views of St. Joseph Volotsky"]. *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*, no. 4 (62), 2015, pp. 44–50. (In Russian)
- 14 Kliuchevskii, V.O. *Drevnerusskie zhitiia kak istoricheskii istochnik* [Old Russian Lives of Saints as a Historical Source]. Moscow, Tipografiia Gracheva i K. Publ., 1871. 472 p. (In Russian)
- 15 Koniavskaia, E.L. "Problema obshchikh mest v drevneslavianskikh literaturakh (na materiale agiografii)" ["Problem of Common Places in Old Slavic Literatures (Based on Hagiography)"]. *Ruthenica*, vol. 3, 2004, pp. 80–92. (In Russian)
- 16 Manokhin, A.A. "Novgorodskie zlye eresi" kontsa XV veka ["Novgorod Evil Heresies" of the End of the 15th Century]. Moscow, Kvadriga Publ., 2023. 462 p. (In Russian)
- 17 Pliguzov, A.I. *Polemika v russkoi tserkvi pervoi treti XVI stoletii* [Polemics in the Russian Church of the First Third of the 16th Century]. Moscow, Kvadriga Publ., 2017. 420 p. (In Russian)
- 18 Pliguzov, A.I. *Prepodobnyi Iosif Volotskii: Poslaniia, "Prosvetitel", zhitiia* [St. Joseph Volotsky: Epistles, "The Enlightener," Lives]. Moscow, Kvadriga Publ., 2020. 311 p. (In Russian)
- 19 Prutskov, N.I. (ed.) *Istoriia russkoi literatury* [History of Russian Literature], vol. 1. Leningrad, Nauka Publ., 1980, pp. 185–290. (In Russian)
- 20 Rudi, T.R. "Topika russkikh zhitii: (Voprosy tipologii)" ["Topic of Russian Lives: (Questions of Typology)"]. *Russkaia agiografiia: Issledovaniia. Publikatsii. Polemika*. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin, 2005, pp. 59–101. (In Russian)
- 21 Stroeve, P.M. *Spiski ierarkhov i nastoiatelei monastyrei Rossiiskoi tserkvi* [Lists of Hierarchs and Abbots of Monasteries of the Russian Church]. St. Petersburg, Tipografiia V.S. Balasheva Publ., 1877. 1034 p. (In Russian)

- 22 Usachev, A.S. "Pochemu zakonchilas' 'volokolamskaia gegemoniia' v Russkoi Tserkvi XVI v.?" ["Why Did the 'Volokolamsk hegemony' End in the Russian Church of the 16th Century?"]. *Rossiiskaia istoriia*, no. 5, 2017, pp. 97–113. (In Russian)
- 23 Fedotov, G.P. *Sviatye Drevnei Rusi [Saints of Old Russia]*. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1990. 269 p. (In Russian)
- 24 Bushkovitch, Paul. *Religion and Society in Russia: The Sixteenth and Seventeenth Centuries*. New York, Oxford Publ., 1992. 278 p. (In English)

Информация об авторе: Игорь Эдуардович Иванов — магистрант филологического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, ГСП-1, 1-й корпус гуманитарных факультетов, 119991 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0001-8192-2589>

E-mail: IgIv-Ed@yandex.ru

Information about the author: Igor E. Ivanov, Master's student, Lomonosov Moscow State University, Philological Faculty, 1st housing, Leninskie gory, GSP-1, 119991 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0001-8192-2589>

E-mail: IgIv-Ed@yandex.ru

Для цитирования: Иванов И.Э. Трансформация агиографического канона в mineiном Житии Иосифа Волоцкого: вопрос «иосифлян-ской» топики // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 23 / Ин-т мировой литературы РАН; гл. ред. О.А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 245–262. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2024-23-245-262>

© 2024, И.Э. Иванов

For citation: Ivanov, I.E. "Transformation of Hagiographic Canon in the Menaion Vita of Joseph Volotsky: on the Issue of 'Josephite' Topics." *Germe-nevtika drevnerusskoi literatury [Hermeneutics of Old Russian Literature]*. Issue 23. Ed.-in-chief O.A. Tufanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 245–262. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2024-23-245-262>

© 2024, Igor E. Ivanov